

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ "КОЛОНИАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ" СИБИРИ В XIX - ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.

NATURE OF COLONIAL DEPENDENCE OF SIBERIA IN THE XIX - EARLY XX CENTURIES

A. Baksheev

Annotation

Siberia for inhabitants of the Russia long time remained a link place, the territory making profit of the mother country. Further development of natural resources of Siberia, increase of its population and development of the industry will increase productive forces of our Homeland. However, the very Siberia and its inhabitants and remained in the colonial status, being the object of predatory exploitation of the central.

Keywords: Siberia, natural riches, industry development, state formation, New Economic Policy.

Бакшеев Андрей Иванович

*К.ист.н., доцент
каф. культурологии, Сибирский
федеральный университет*

Аннотация

Сибирь для жителей России долгое время оставалась местом ссылки, территорией, приносящей прибыль. В дальнейшем разработка естественных богатств Сибири, рост ее населения и развитие промышленности увеличили производительные силы страны. Однако возникает вопрос: была ли сама Сибирь и ее жители в рассматриваемый период в "колониальном статусе", являлась ли она объектом хищнической эксплуатации со стороны центра.

Ключевые слова:

Сибирь, природные богатства, развитие промышленности, формирование государства, новая экономическая политика.

Сибирь – неотъемлемая часть России; могущество страны сегодня все больше прирастает Сибирью, что подтверждает правоту великого ученого М.В. Ломоносова. Между тем, потребительское отношение к этому региону в рассматриваемый период породило в отечественной историографии представление о "колониальной зависимости" Сибири. Сибирские областники и их последователи, пытаясь добиться лучшей доли для этого края, обвиняли центральную власть в хищнической эксплуатации сибирского населения [Подр. см.: Ядринцев Н.М. Сибирь как колония..., 1882]. Возникает вопрос: насколько это справедливо?

В советское время известный ученый–сибиревед Л.М. Горюшкин закрепил ленинское определение Сибири как "колонии в экономическом смысле". Находясь на марксистских позициях, исследователь не мог признать присутствия, помимо классовых, устойчивых территориальных противоречий. В рамках господствовавшей тогда идеологии он, в известной мере, игнорировал приводимые областниками факты политико–правового неравноправия Сибири в составе Российской империи, хотя и признавал колониальный характер управления коренными сибирскими народами. В отношении же русского населения Л.М. Горюшкин считал, что система управления принципиально ничем не отличалась от центральной

России [Горюшкин, 1986, с. 37–50].

Но дело заключалось не только в ограничениях, накладываемых в советское время официальной наукой. И сегодня, по мнению А.В. Ремнева, исследователям российской имперской управленческой политики приходится сталкиваться со многими трудностями в понятийном аппарате, чтобы правильно разобраться с такими терминами, как "внутренняя колония", "периферия", "центр", "колониализация", "окраина" и т.д. [Ремнев, 2000, с. 345].

В этой связи далеко не случайно В.А. Ламин и Д.Я. Резун вынуждены были отметить: "Специалисты по истории и экономике Сибири до настоящего времени не определились, что такое есть эта громадная страна: колония, или колонизируемая территория, или неотделимая часть неделимой России" [Ламин, Резун, 1998, с. 22]. Иначе говоря, роль и место Сибири в составе Российской империи трудно определить, оперируя лишь понятиями "колония" и "метрополия".

Можно отметить, что в сибирской историографии указание на колониальный статус Сибири в составе России использовалось чаще всего для того, чтобы обратить внимание центра на сибирские нужды. В дальнейшем сибирский областнический проект, в котором активнее

всего использовался колониальный дискурс, был отодвинут на второй план общероссийскими политическими и социально-экономическими программами.

На практике получилось так, что сибирское население пополнялось за счет переселений из центра и запада страны. Начиная с момента похода Ермака за Урал и до отмены крепостного права из европейской России переселилось около 1,5 млн. чел. Первоначально переселенцев привлекал, прежде всего, пушной промысел. "Этот выгодный бизнес, – считает специалист по имперской политике России А. Эткинд, – создал огромную территорию, впоследствии пережившую смуты, расколы и реколонизации" [Эткинд, 2013, с. 21].

В период после великих реформ императора Александра II наблюдалось увеличение активности переселенцев. В 80–е гг. XIX в. поток переселенцев в среднем за год составлял 31 тыс. чел., а к 90–м гг. данный показатель составил 77 тыс. чел. Таким образом, за период 1861–1900 гг. за Урал переселились почти 2 млн. чел. Правительство России после 1861 г. практически не принимало в этом участия и только в начале XX в. оно начало активно поддерживать такое переселение. Уже в 1900–1916 гг. за Урал переселилось почти 4,5 млн. чел., из них только в Енисейскую, Томскую и Иркутскую губернии – более 2 млн. [Винокуров, Суходолов, 1996, с. 116].

По мере переселения крестьян сельскохозяйственное производство стало основным направлением развития экономики Сибири. В этой сфере работало более 90 % населения, а валовая продукция отрасли в 1914 г. превысила в 3,5 раза стоимость продукции, производимой промышленностью Сибири. Более половины товарной продукции региона представляло земледелие, 25 % – маслоделие, 18 % – животноводство, 2 % составляли прочие виды хозяйствования. После того, как была проложена Транссибирская железнодорожная магистраль, вывоз хлеба из Сибири постоянно увеличивался. Период 1900–1904 гг. характеризовался сбором более 200 млн. пудов хлеба в год, период 1905–1909 гг. – 320 млн. пудов хлеба. Уже в 1910–1914 гг. этот показатель составил 380 млн. пуд. А в 1917 г. собрали рекордный для Сибири урожай – более 600 млн. пудов, т. е. в период первой мировой войны темп роста в Сибири валового сбора хлеба оставался очень высоким [Винокуров, Суходолов, 1996, с. 117]. Можно утверждать, что сибирское крестьянство шло по американскому пути развития в области сельского хозяйства.

Среднегодовой показатель вывоза мяса из Сибири перед революцией составлял 3 млн. пудов. Важно отметить, что по количеству скота на душу населения территория Сибири превосходила не только европейскую Россию, но и многие зарубежные страны. Канада и США опережали Сибирь лишь незначительно по количеству

голов крупного рогатого скота, свиней, которые приходились на душу населения. В то же время по количеству лошадей и овец Сибирь лидировала [Рогачев, 2008, с. 47].

Из Сибири в 1900 г. вывезли более 1 млн. пудов сливочного масла. Этот показатель за 1905 г. составил 2 млн. пудов, а за 1913 г. – 6 млн. пудов. Маслодельческая продукция направлялась в центральные регионы России и на европейские рынки. В России маслоделы Сибири успешно конкурировали с производителями из Архангельской, Оренбургской, Вологодской, Смоленской и Пермской губерний, а также с голландскими, датскими, австралийскими, американскими и новозеландскими фермерами. Так, Сибирь за очень короткий промежуток времени обогнала все российские маслодельческие центры и обеспечивала перед революцией до 90 % всего масляного экспорта России. От этой деятельности страна получала доход в два раза больший, чем доход от всей золотодобывающей промышленности Сибири [Сибирь: Историческая хрестоматия, 1932, с. 160–161].

Можно ли в таком развитии усматривать элементы "колониализма"? Скорее всего, речь здесь может идти об успешной колонизации сельскохозяйственных ресурсов Сибири.

Вместе с тем, одним из основных источников развития Сибирской территории считалась добыча полезных ископаемых, причем обработка руд велась сибиряками в сложных условиях. Сибирское золото долгое время выступало в качестве основного фактора экономического развития всей страны. Золотодобыча в Сибири началась в первой половине XVIII в. Вначале она была государственной монополией и производилась исключительно ссыльными, каторжанами и крепостными. В начале XIX в., когда было разрешено искать и добывать золото частным лицам, в золотодобывающую промышленность пошел сибирский капитал и иностранные инвестиции.

В Сибири добывалось до 1917 г. почти 90 % золота России. Начиная с 30–х гг. XIX в. активно развернулась его промышленная добыча. В период 1836–1897 гг. в Сибири добыли 88 тыс. пудов золота. За период 1898–1904 гг. – 12 тыс. пудов. А за 1905–1915 гг. в Сибири добыча золота составила 30 тыс. пудов, причем такое количество не было эквивалентно реальному результату, потому что, как свидетельствовали золотосплавочные лаборатории, количество переработанного золота в начале прошлого века составило на 20–25 % больше [Тихомиров, 2010, с. 422].

Очень важно то, что формирование экономики Сибири до 1917 г. основывалось в значительной мере на иностранном капитале. Особенно Сибирь приобщилась к мировому рынку после проведения Транссибирской железнодорожной магистрали, которая строилась невиданным

ми темпами – ежегодно прокладывалось по 500–600 км. [Рогачев, 2015, с. 105]. Можно ли рассматривать иностранные капиталовложения как "колониализм"? Скорее всего, это были иностранные инвестиции, необходимые для развития сибирской экономики.

В Сибирь иностранный капитал проникал в виде торгово-посреднических предприятий. В Кургане в 1896 г. была открыта первая фирма – торговый дом "Паллизен и Компания", который занимался скупкой масла и его экспортом. Экспортеры-иностранцы вкладывали немалые средства, чтобы организовать маслоделие на основе передовой техники. Центральная и западная части Сибири были покрыты агентствами, отделениями, складами, которые располагались по всей линии железной дороги и вдоль водных путей, где и принималось масло [Сибирь: Историческая хрестоматия, 1932, с. 160–161].

В сфере промышленности капитал иностранных фирм активно использовался в развитии горнозаводского дела. В 1906–1914 гг. разработка полезных ископаемых предпринималась разными исследовательскими партиями, принадлежавшими англичанам, немцам, французам, бельгийцам, американцам и другим иностранцам. Среди многочисленных компаний (более 20), которые создавались с целью освоения горных богатств Сибири, действовало по факту в области золотопромышленности шесть предприятий: Российское золотопромышленное товарищество, Ленское золотопромышленное товарищество (Лензолото), общество Мариинских приисков, Русско-Азиатская компания, Нерчинская золотопромышленная компания, Новая центральная Сибирь. Перечисленные предприятия практически полностью принадлежали английским предпринимателям [Томсинов, 1991, с. 224]. Революция 1917 г. и советская власть национализировали и конфисковали эти капиталовложения без всякой компенсации.

Также необходимо указать, что период начала прошлого века и вплоть до революционных событий характеризовался для Сибири особыми успехами – социально-экономическая модернизация была здесь на уровне, близком к американскому, а не на уровне европейской России того времени.

Что действительно прервало поступательное развитие Сибири, так это революция и гражданская война. Наиболее ярко "колониальная сущность" центра по отношению к Сибири проявилась в период политики "военного коммунизма" и в начальный период новой экономической политики.

В отечественной историографии широкое хождение нашла ленинская оценка сибирского крестьянина как наиболее зажиточного, не знавшего крепостного права и не почувствовавшего сразу благожелательных для себя

результатов Октябрьской революции. Поэтому, делал вывод Ленин, у сибирских крестьян была некая повышенная "мелкобуржуазность" [Ленин, 1963, с. 320]. Развивая эту идею, Наркомпрод, а вслед за ним и все большевистские исследователи утверждали, что к моменту прихода Красной Армии в Сибирь в конце 1919–нач. 1920 гг., в последней только по Западной Сибири и Степному краю (Семипалатинская губерния) от урожаев 1917–1918 гг. осталось 130 млн. пудов излишков хлеба [Лойко, 1958, с. 75].

Однако исторические факты позволяют подвергнуть критике эти выводы историков и отнести их к разряду ложных. Еще в 20-е гг. первые исследователи Сибири отмечали, что Советская Россия в 1919–1920 гг. пришла в Сибирь нищей, поэтому могла дать ей в десятки раз меньше, чем предполагала взять [Северьянов, 2010, с. 162].

Теория "зажиточности" сибирского крестьянина, огромных запасов "излишков" продовольствия от прошлых лет, когда не взимались налоги, была скорее идеологической подготовкой заготовительной работы большевиков в Сибири. Советское правительство возлагало на Сибирь двойную тяготу: помогать пострадавшим от голода в других регионах России и в то же время уплачивать государственные и местные налоги. Несмотря на то, что к 1920 г. в Сибири крестьянское хозяйство было разрушено, изголодавшемуся населению европейской России внушалась мысль, что в регионе имеются неисчерпаемые запасы хлеба, масла, мяса и сырья. Желанием добыть продовольствие отчасти объясняется та энергия, напор и в конечном итоге успех Красной Армии в борьбе с Колчаком. В то же время сибиряки, измученные войной, партизанщиной и бесчинствами колчаковских генералов и интервентов, с радостью встретили Советскую власть, видя в ней спасительницу от всякого насилия и несправедливости. Однако разочарование у сибиряков наступило довольно быстро.

Удельный вес жителей Сибири во всем населении страны составлял около 6 %. И на эти 6% населения республики Декретом от 20 июня 1920 г. "Об изъятии хлебных продуктов в Сибири" была возложена задача с 1 августа 1920 г. по 1 марта 1921 г. сдать по подразверстке 110 млн. пудов хлеба – третью часть общереспубликанского задания [Заповодникова, 1969, с. 81]. Фактически властью были проигнорированы все социально-экономические и политические факторы в Сибири, пагубно отразившиеся на хозяйственном развитии деревни. Это, во-первых, развитие массового партизанского движения и военных действий на сибирских землях, вследствие чего в некоторых регионах хлеб в 1919 г. остался неубранным; во-вторых, разорение от колчаковщины; в-третьих, стихийное бедствие от кобылки (саранчи); в-четвертых, перепродажа хлеба внутри Сибири. Так,

например, колчаковцы сожгли и разрушили 58916 крестьянских дворов, до 10 тыс. различных построек, увели 53064 тыс. голов скота, уничтожили 2768 различных сельскохозяйственных орудий, отняли 1568783 пудов хлеба [Советская Сибирь, 1921, 23 апр.].

И на этом фоне для определения планов советской разверстки в Сибири в расчет брались самые фантастические цифры. Помимо хлеба, масла, мяса, овощей, сырья и всего того, что массово производилось в деревнях, в разверстку включили и такие экзотические продукты, как мед, грибы, кедровые орехи, ягоды и даже пельмени в замороженном виде. Для выполнения государственных заданий председатель Сибревкома М.М. Лашевич предлагал учитывать даже цыплят, еще не вылупленных из яиц. В Алтайской губернии предполагалось, что сбор урожая будет 60–75 пудов с десятины. Из этого составили план продразверстки – 25–30 пудов. Фактический сбор составил 30–40 пудов с десятины, который почти весь был отобран у крестьян [Отчет II съезда Сибирского..., 1922, с. 66, 67, 72].

Не намного улучшилось положение сибирской деревни и в период новой экономической политики. Вообще в исторической литературе проблема перехода к нэпу освещалась крайне односторонне. Дело в том, что новые реформы в Сибири местные большевики восприняли неоднозначно. Сиббюро ЦК РКП(б) 27 марта 1921 г. принимает Постановление об отношении к крестьянству в связи с решениями X съезда партии: отныне основной задачей становилось разъяснение массам нового отношения к сельским жителям со стороны большевистской партии. Предполагалось, что губкомы РКП(б) должны были узнавать о настроении сибиряков и доносить об этом в центр.

Постановления, которые одобряли новую экономическую политику, были приняты летом 1921 г. на губернских партийных конференциях. Несмотря на это, среди значительной части представителей советского и партийного аппарата имели место колебания. Секретарь Сиббюро ЦК РКП(б) И.И. Ходоровский говорил об этом на Сибирской партконференции в августе 1921 г. Докладчик пояснил, что кулацкий бандитизм, крайние формы классово-борьбы, колебания среднего крестьянства в Сибири требуют поэтапного и медленного внедрения новой экономической политики с целью получить дальнейшее укрепление союза рабочего класса и крестьянства [Шишкин, 1978, с. 109].

В 1921 г. в Сибири было заготовлено 48 млн. пудов зерна, в 1922 г. – 45 млн. пудов. Кроме того, в Сибири в 1921–1922 гг., по неполным данным, к 10 апреля 1922 г. было собрано в помощь голодающему населению Поволжья 476 тыс. пудов продовольствия и более 9 млрд. руб. в знаках 1921 г. На территории Сибири получили

приют около полумиллиона беженцев из голодных губерний европейской части страны [Отчет IV съезда Сибирского..., 1923, с. 19].

Огромные изъятия продовольствия в сибирских губерниях привели к полному расстройству сельского хозяйства. Все исследователи отмечали, что урожаи 1923 и 1924 гг. в Сибири были крайне низкими. А в главные житницы края – Алтайскую и Омскую губернии, где свирепствовал голод, потребовалось даже ввозить хлеб, чтобы хоть как-то остановить гибель людей. Из-за бедственного положения в полеводстве в 1923–1924 гг. хлебозаготовки в Сибири были исключены из общего союзного плана.

Однако недостаток продуктов в СССР подтолкнул власти к дальнейшему изъятию продовольствия у голодающей Сибири. В 1924–1925 хозяйственном году было заготовлено 44279 тыс. пудов хлебопродуктов, в том числе в губерниях: Омской – 4068 тыс. пудов, Новониколаевской – 7531 тыс. пудов, Алтайской – 7409 тыс. пудов, Томской – 10888 тыс. пудов, Енисейской – 11540 тыс. пудов, Иркутской – 2843 тыс. пудов. [Северьянов, 2010, с. 170].

По подсчетам историка В.И. Шишкина, в продкампанию 1920–1922 гг. в Сибири было заготовлено 22,1% всего хлебофуража, который Советская Россия получила в счет разверстки и помольного сбора. Около 25 млн. пудов хлеба было вывезено за пределы Сибири в основном в европейскую Россию, причем доля посевных площадей Сибири в общей посевной площади РСФСР значительно уменьшилась [Шишкин, 1985, с. 225].

Дефектов в налоговой политике начала 20-х гг. в Сибири было множество. Однако самым основным из них было несоответствие размера налога платежеспособности населения. Это привело не только к уменьшению основного и оборотного капитала сельского хозяйства, но и к снижению общей суммы самого налога. Так, в Омской губернии в 1923 г. по сравнению с 1920 г. размер посевных площадей составил 51%, поголовье скота – 67%, размер сельскохозяйственного налога – 23,3% [Перспективный план Омской..., 1924, с. 235].

Таким образом, сельское хозяйство после гражданской войны пребывало в глубоком кризисе. В Сибири он был намного глубже, чем в других регионах страны. Посевные площади в Сибири составили в 1921 г. 4/5 от уровня 1913 г. Существенно изменилась структура посевов. Значительно понизился удельный вес главных товарных культур – пшеницы и овса. В упадке было и животноводство. Так, к 1922 г. в Сибири общее количество скота стремительно уменьшилось, если сравнивать с показателями 1916 г. – на четверть. Главной товарной отраслью сельского хозяйства было маслоделие. Однако и

его сильно запустили, поэтому заготовки масла уменьшились почти в 13 раз [Сибирский революционный..., 1978, с. 341].

Непомерно высокие налоги, опустошения крестьянских хозяйств, привели к страшному голоду, охватившему Сибирь в 1921–1924 гг. В 1922 г. Сибревком признал, что голодает большая часть сибирских губерний. Спасаясь от голода, сотни тысяч людей бежали в относительно не голодные уезды. Однако в скором времени и там, в связи с наплывом переселенцев, начинался голод, отягощенный массовыми эпидемиями. К сожалению, нет возможности подсчитать, сколько сибиряков погибло от голода, но то, что их было сотни и сотни тысяч – не вызывает сомнений [Подр. см.: Бакшеев А.И. Причины, последствия и борьба..., 2013, с. 183–190].

Таким образом, в первой половине 20-х гг. полугодные сибирские крестьяне, часто ценой своей жизни, спасали от смерти голодающее население других регионов страны. Практически в этот период можно говорить о новом советском "колониализме" по отношению к Сибирскому краю. Это отметил и Первый съезд Советов Сибири в декабре 1925 г. в Новосибирске [Бакшеев, 2013, с. 209–210].

В дальнейшем развитие Сибири проходило с переменным успехом. В советский период с 30-х гг. наблюдался определенный "перекосяк" в сторону индустриализации. Культурно-социальное развитие Сибири явно запаздывало. В настоящее время пора исправить этот недостаток, так как регион стал важнейшим фактором для геополитической стабильности Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакшеев А.И. Причины, последствия и борьба с голодом 1921–1924 гг. в Сибири. // Федерализм. – 2013, № 2 (70) – С. 183–190.
2. Бакшеев А.И. Проблемы советской государственности в Сибири периода НЭПа. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. 346 с.
3. Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири: 1900–1928. – Новосибирск: Наука, 1996. 320 с.
4. Горюшкин Л.М. Место Сибири в составе России в период капитализма // Исторический опыт освоения Сибири. – Новосибирск, 1986. С. 37–50.
5. Заповодникова А.Г. Сибирское крестьянство в ходе борьбы с кулацкой контрреволюцией в 1920–1922 гг. // Советское крестьянство – активный участник борьбы за социализм и коммунизм. – Барнаул, 1969. С. 81–85.
6. Ламин В.А., Резун Д.Я. Метаморфозы фронта в истории Сибири, Северной Америки и Австралии (к постановке проблемы) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск, 1998. С. 17–24.
7. Ленин В.И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. – Полн. собр. соч. – Т. 39. – М.: Госполитиздат, 1963. С. 318–331.
8. Лойко В.М. После разгрома Колчака (конец 1919–1920 гг.). – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1958. 96 с.
9. Отчет II съезда Сибирского экономического совещания. – Новониколаевск: изд-во Сибревкома, 1922.
10. Отчет IV съезда Сибирского экономического совещания. – Новониколаевск: изд-во Сибревкома, 1923.
11. Перспективный план развития сельского хозяйства Омской губернии. – Омск: изд-во Губ. Зем. Управл. 1924. 426 с.
12. Ремнев А.В. Региональные параметры имперской "географии власти" (Сибирь и Дальний Восток) // Ab Imperio. – 2000, № 3–4. – С. 343–358.
13. Рогачев А.Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917–1925-е годы). – Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т. – 2-е изд., перераб. и доп., 2008. 172 с.
14. Рогачев А.Г. История Красноярского края с древнейших времен до современности: культура, экономика, быт, право и особенности управления. – Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2015. 180 с.
15. Северьянов М.Д. Сибирская доколхозная деревня: землепользование, землеустройство и переселение (1861–1930 гг.). – Кызыл: ГОУ ВПО "Тывинский гос. ун-т", 2010. 247 с.
16. Сибирь: Историческая хрестоматия / сост. М. Гудошников. – Москва-Иркутск: Вост.-Сиб. краевое гос. изд-во, 1932. 244 с.
17. Сибирский революционный комитет (Сибревком). – Новосибирск: Наука, 1978. 658 с.
18. Советская Сибирь. Орган Сибревкома и Сибоблбюро ЦК РКП(б). – Новониколаевск, 1921.
19. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 752 с.
20. Томсинов В.А. Светило российской бюрократии; Исторический портрет М.М. Сперанского. – М.: Мол. Гвардия, 1991. 336 с.
21. Шишкин В.И. Революционные комитеты Сибири в годы Гражданской войны (август 1919–март 1921 г.). – Новосибирск: Наука, 1978. 334 с.
22. Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919–март 1921 г.) – Новосибирск: Наука, 1985. 319 с.
23. Эткин А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Александр Эткин; авториз. пер. с англ. В. Макарова. 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
24. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1882. 471 с.